

*Для всех современных женщин
и современных мужчин*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Гейл Коллинз</i>	9
Предисловие и благодарности	18
Глава 1	
ПРОБЛЕМА БЕЗ НАЗВАНИЯ	23
Глава 2	
НАША ГЕРОИНЯ — СЧАСТЛИВАЯ ДОМОХОЗЯЙКА	45
Глава 3	
ЖЕНСКИЙ КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ.....	90
Глава 4	
ПУТЕШЕСТВИЕ, ВДОХНОВЛЕННОЕ СТРАСТЬЮ.....	104
Глава 5	
СЕКСУАЛЬНЫЙ СОЛИПСИЗМ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА	133
Глава 6	
ЗАМОРОЗКА ФУНКЦИЙ, ФЕМИННЫЙ ПРОТЕСТ И МАРГАРЕТ МИД	162
Глава 7	
ПЕДАГОГИ НОВОЙ ФОРМАЦИИ.....	193
Глава 8	
НЕВЕРНЫЙ ВЫБОР.....	235

Глава 9	
ОБМАННЫМ ПУТЕМ	265
Глава 10	
ДОМАШНЯЯ РАБОТА ЗАПОЛНЯЕТ ВСЕ ОТПУЩЕННОЕ НА НЕЕ ВРЕМЯ	299
Глава 11	
В ПОИСКАХ СЕКСА	329
Глава 12	
ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ ДЕГУМАНИЗАЦИЯ: КОНЦЛАГЕРЬ СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ.....	360
Глава 13	
УТРАЧЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ	395
Глава 14	
ПЛАНИРУЕМ НОВУЮ ЖИЗНЬ	430
Эпилог	480
Послесловие. <i>Анна Куиндлен</i>	502
Оглядываясь назад и осмысляя будущее. Метаморфозы: два поколения спустя	508
Предисловие к десятому юбилейному изданию.....	536
Примечания	542

ВВЕДЕНИЕ

ГЕЙЛ КОЛЛИНЗ

Каждый писатель жаждет создать книгу на злобу дня — точно сформулировать проблему столетия и сделать это до того, как остальные заметят, что проблема в принципе существует. Хотя, конечно, подобное случается крайне редко. Чаще всего мы рады, если, выбрав интересный ракурс, удается объяснить людям то, что им и так известно. Но Бетти Фридан попала в десятку. Когда в 1963 году «Загадка женского» увидела свет, она спровоцировала столь бурную реакцию, что Фридан смогла написать еще одну книгу, поведав, что женщины ей сказали по поводу первой (*эта книга изменила мою жизнь*). Если составлять список самых значимых книг двадцатого столетия, то «Загадка женского», без сомнения, в него войдет. А еще «Загадка женского» вошла в уникальную подборку «Десятка самых тлетворных книг 19-го и 20-го столетий» одного консервативного журнала, что если не льстит автору, то по крайней мере свидетельствует об ажиотаже, который она вызвала.

Мы читаем ее и сегодня. В книге «Ноющее чувство» (*A Strange Stirring*), посвященной «Загадке женственности» и ее влиянию, Стефани Кунц пишет, что ее студенты «всей душой реагировали» на такие главы, как, например, «Обманным путем», поскольку чувствовали то же самое — их также вынуждали покупать потребительские товары и «позиционировать себя как вещь, которую потребляют». И естественно, если нужно понять, что же произошло

с американской женщиной за последние полвека, осознать, какой она проделала удивительный путь от Дорис Дэй до *Баффи — истребительницы вампиров* (и пока не остановилась!), начинать нужно именно с этой книги.

Но критики — как и фанаты — считают себя обязанными ткнуть пальцем в то, что упускает автор. Их вполне правомерно озадачивает, почему афроамериканские женщины упоминаются лишь вскользь, хотя Фридан писала во времена движения за гражданские права. Женщины рабочего класса проглядывают только в паре-тройке высказываний, например, когда говорится, что замужним женщинам, которые захотят работать, понадобится домработница или няня. Весьма примечательно и то, что Фридан умудрилась написать целую книгу, обвиняя американское общество в его отношении к женщинам, но не обсуждая законодательство. При этом в 1963 году большинство женщин не могли взять кредит, не имея поручителя мужского пола. В некоторых штатах они не могли входить в состав коллегии присяжных, а в других — мужья имели право распоряжаться не только собственностью своих жен, но и их заработком. И хотя Фридан из раза в раз твердит о необходимости дать женщине возможность работать, она не упоминает, что газетам разрешалось публиковать объявления «Требуются на работу» по категориям для мужчин и для женщин, а работодатель мог на законном основании заявить, что какая-то вакансия исключительно для мужчин. Так поступало даже федеральное правительство.

Все эти недочеты, как ни странно, являются сильной стороной книги. «Загадка женского» — своеобразный яростный крик, вызванный тем, что умных, высокообразованных женщин не допускали к профессиональной деятельности и относились к ним как к системе репродуктивных органов, стоящей на каблуках. Книга получилась в высшей степени личная, что и придало столь берущую за душу силу. Сама Фридан бросила аспирантуру, поскольку

ку, как она написала, академические успехи пугали парня, с которым она встречалась. Ее возмущала уверенность студентов в том, что главная цель учебы в высшей школе — получить звание «МИССИС». Ее приводил в бешенство тот факт, что в психиатрии несчастье домохозяйки объяснялось незамысловато: с либидо «не лады». Она злилась, поскольку экономический сектор видел в женщинах каких-то потребляющих роботов, которые обеспечивают процветание государства, скупая новые кухонные электроприборы и неистово разыскивая идеальное средство для стирки. Про женские журналы лучше даже не упоминать. Фридан много для них писала, и в своей книге она как кирпичики складывает все эти жуткие до невозможности примеры, один за другим, как именно популяризируется загадка женского. Там есть коротенькая история о молоденькой женщине, у которой были планы на будущее, но потом она вышла замуж, затерла до дыр шесть копий книги доктора Спока об уходе за младенцами и накручивала себя, пафосно скандируя: «Я счастлива! Ужасно счастлива! Я ТАК РАДА, ЧТО Я — ЖЕНЩИНА!» В голове сразу вырисовывается эффектная картинка, как санитары из психушки привязывают ее к каталке.

Бетти Фридан родилась в 1921 году. В разгар Второй мировой войны она уже окончила колледж Смит, поэтому глазами взрослого человека видела послевоенный экономический взрыв, в результате которого возник средний класс с невиданным ранее уровнем жизни. К тому времени как Фридан села за книгу, большинство американских семей жили в собственных домах. У них были машины и телевизоры, они ездили отдыхать и надеялись, что дети будут учиться в колледжах. Получить работу было легко... причем настолько, что отчаявшиеся работодатели проводили рекламные кампании, дабы убедить замужних женщин, что выйти куда-то на неполный день секретарем или продавцом — отличный способ подзаработать, ведь всегда есть

непредвиденные расходы на дом и детей. (В попытке убедить читателей вернуться в профессиональный мир, Фридан упоминает свою подругу, домохозяйку из пригорода, которая переживала, что слишком долго не работала журналистом и выпала из профессии. «Когда она наконец решила что-то предпринять, то за пару поездок в город нашла отличную работу в своей области», — беззаботно пишет Фридан. Здесь следует многозначительная пауза, пока все честолюбивые молодые репортеры, которые в настоящий момент находятся на неоплачиваемой стажировке, причем третьей по счету, бьются головой о стену.)

Время наступило уникальное. Наверное, впервые в истории Америки у обычного человека хватало и средств, и времени, чтобы спросить себя, счастлив ли он. Фридан счастья не ощущала.

«Многие годы эта проблема таилась, невысказанная, глубоко-глубоко в умах американских женщин. Похожая на странный зуд, вроде чувства неудовлетворенности, острая тоска, от которой страдали американки середины двадцатого века. Каждая домохозяйка боролась с ним в одиночку, — такими словами Фридан начинает свою «Загадку женского». (Как у всех великих книг, там есть отрывок, который без усталости цитируют.) — Она заправляла постель, ходила за продуктами, подбирала пледы и покрывала, уpletала с детьми сэндвичи с арахисовым маслом, развозила на занятия сыновей и дочек, лежала с мужем в кровати... и все время, даже самой себе, даже в мыслях, боялась задать вопрос: неужели это все?»

По прошествии времени кажется, что это такой способ понять, но на тот момент вопрос был судьбоносным. Ведь всю историю Запада среднестатистическая женщина с амбициями мечтала о полноценной карьере домохозяйки. Работа вне дома означала, что придется надрываться в поле, трудиться на фабрике, стоять за прилавком в чужом магазине или прибираться в чужом доме. Роль домохозяйки,

которая сидит дома, давала женщине шанс устанавливать свои правила. «Мне просто по душе была эта свобода: я сижу дома, и никто не указывает, что мне делать» — так одна женщина из Оклахомы объяснила, почему бросила работу бухгалтера и стала растить троих детишек.

Молодые англичанки перебрались в колониальную Америку, прельстившись обещанием жизни в качестве домохозяйки на полный рабочий день. Они запрыгивали в крохотные суденышки и пересекали гигантский океан в ожидании этой мечты, мечты, что они не просто найдут себе мужей, а мужей, которые позволят им сидеть дома. Такая пропаганда часто расходилась с реальностью: большинство женщин, приехав в Америку, обрели и мужей, и жизнь, в которой приходилось обрабатывать землю. А еще нужно было прясть, шить, готовить еду, консервировать, делать сыр, свечи и заниматься кучей дел, что составляли колониальный быт. Домашней работы было так много, что даже те женщины, которым разрешалось «сидеть» дома, валились с ног. Мысль о том, что они могли бы заниматься домом и при этом не стирать вручную, не варить мыло, не оципывать цыплят и не делать всю остальную, не сильно водоудушевляющую работу, сама по себе могла показаться раем.

И вот их прапрапраправнучки получили такую жизнь, но при этом чувствовали себя крайне подавленно.

Пригород в послевоенное время был для жителей не то раем, не то адом: бесконечные новенькие дома на участках в четверть акра, где в будни можно было заметить исключительно женщин и детей. Я сама выросла в одном из таких домов в Цинциннати. Отцы каждое утро уезжали на работу на единственном в семье автомобиле, а за взрослых мужчин оставались Томми-молочник и Арт, водивший старый автобус, полный продуктов, которые он продавал оказавшимся на мели домохозяйкам. Матери занимались в основном воспитанием малышей, не сильно при этом утруждаясь. Кульминационный момент наступал часа в четыре или пять,

когда домашняя работа была вся переделана, ужин томился в духовке и женщины могли собраться на чьей-нибудь кухне или на веранде позади дома, выпить бокал и поболтать. Потом приезжал с работы отец, по крайней мере, так было заведено у нас, и еще целый час родители за коктейлем обсуждали, как прошел день, пока старшие дети бесконечно долго гуляли с младшими, катая тех в коляске. Вот одна из причин, по которой описанный Фридан домашний уклад очень напоминал мне мое собственное детство, — выпивка.

В своей книге Фридан попыталась представить себя типичной домохозяйкой среднего класса начала 60-х. На деле выпускница колледжа Смит, которая до замужества и материнства успела поработать в целом ряде либеральных и профсоюзных газет на Манхэттене, отнюдь не типичная домохозяйка. Она входила в небольшую группу женщин, которые отправились получать образование, имея в голове сразу две картинки: будущую жену, сидящую дома, и серьезную ученицу, которую волнуют и оценки, и списки для чтения, и серьезные дискуссии, которая взяла те же предметы, что и студенты мужского пола... или которая, как Фридан, поступила в колледж Смит и замахнулась на сложные науки. Она собиралась учиться в аспирантуре, пока парень, с которым она тогда встречалась, взяв ее на прогулку по холмам Беркли, не сказал: «Ничего у нас с тобой не выйдет. Я никогда не получу такую стипендию». Фридан бросила научную карьеру, уехала на восток и «жила настоящим, работая в газетах, ничего особенно не планируя. Вышла замуж, родила детей, жила, соответствуя этой загадочной женственности, как обычная домохозяйка».

Неужели это реальный факт? Неужели одно-единственное замечание завистливого ухажера вынудило Фридан уехать в Нью-Йорк, где впоследствии она вышла замуж, кстати, уже за совершенно другого мужчину? На самом деле это не важно. Важно то, что в роли домохозяйки — хотя эта

домохозяйка между делом продолжала писать для журналов статьи — Фридан было смертельно скучно. Она понимала, что разница между ее эпохой и эпохой уже ушедшей заключалась в том, что, когда американцы перебрались из фермы в город, а затем переехали в пригород, изменилась суть работы по дому. Жена фермера играла в семье важную роль с точки зрения экономики: она должна была шить одежду, варить мыло, делать свечи и сыр, выращивать овощи и кормить цыплят, а еще обменивать сделанные ею вещи на важные припасы для своей семьи. У городской домохозяйки экономическая целесообразность не просматривается, к тому же современная техника избавила ее от затратной по времени рутины прошлых лет. Как писала Фридан, женское самоощущение «когда-то зиждилось на необходимости выполнения домашней работы и получения ее результатов». Но все исчезло в эпоху, когда работа по дому «больше не является, по сути, необходимой и не требует особых способностей... причем в ситуации, когда женщины могут наконец-то найти для себя нечто более значимое».

Анализ собственных переживаний Бетти Фридан вылился в «Загадку женского». И когда книга добралась до прилавков и ее купили женщины, скучавшие в клетке своего идеального дома и брака, они стали внутренне позиционировать себя иначе. «Некоторых женщин возмутило то, что «Загадка женского» поставила под сомнение их жизненный выбор, зато другие, и я в том числе, почувствовали, что их наконец-то поняли», — сказала Мадлен Кунин, дискутируя по поводу книги в своем книжном клубе в Кембридже, штат Массачусетс, где она жила в качестве жены студента-медика. (Впоследствии Кунин вернулась к работе. Как и Фридан, она преуспела и в конце концов стала губернатором штата Вермонт.)

Насколько мне известно, ни одна из мамочек моего района «Загадка женского» и в руки не брала. Если они и усомнились в своем выборе, то значительно позже, когда